

Людмила Уланова живёт и работает в Казани. Закончила Горьковский институт иностранных языков, работает переводчиком (английский язык). Л. Уланова пишет стихи и рассказы для детей и взрослых. Публиковалась в журналах «Мурзилка», «Простоквашино», «Весёлые картинки», «День и ночь» (Россия), «День Ангела» (Украина), «Большой» (Беларусь) и других изданиях. Стихи её вошли в антологии сатиры и юмора XX века и «Большой фонтан одесского юмора». Член редколлегии детского журнала «Читайка» при Российской школьной библиотечной ассоциации.

У Людмилы Улановой вышли книги «Хорошо быть дураком, умным и красивым. Игры воображения в стихах и прозе» («Эксмо», Москва, 2011), «Азбука с именами» («Оникс», Москва, 2012), «Самый мелкий великан» («Эксмо», Москва, 2013), а также многочисленные книжки-малышки. По её стихам сняты анимационные фильмы «Про мыху» (режиссёр К. Арефьев) и «Из жизни одноклеточных» (режиссёр Н. Грофпель).

Ни слёз, ни повода для слёз...

*Людмила
Уланова*

* * *

У меня в кофеварке живёт кофевар.
Он кофеен лицом. Он морщинист и стар,
Но считает себя несказанно богатым:
Каждый день дышит он неземным ароматом.

Простите, здесь пафос уместен.

У меня в лапшерезке живёт лапшерез.
Он и бледен, и худ. И местами облез.
Но весьма деловит: «Не мешайте, прошу,
На все уши я должен навесить лапшу».

Ему-то – подите навесьте.

У меня в мясорубке живёт мясоруб.
Он бугрист, мускулист, кровожаден и груб.

ПОЭЗИЯ

Он лелеет мечту – напролёт дни и ночи:
Проскочить в палачи ему хочется очень.

А ваши мечты я не знаю.

В щётке водится щётчик, и в пасте – пастух,
А в духовке гудит разговорчивый дух,
Я под вечер с работы домой прихожу,
Кофевара зову, лапшереза бужу.

Скликаю домашнюю стаю.

Говорю, что мой день был не очень хорош,
Бестолков, как тупой одноразовый нож,
Полон скрытой изжоги, как шпротный паштет.
А они что-то тихо бубнят мне в ответ.

Бу-бу. Бу-бу-бу. Так невнятно...

Я прилажу словечки одно к одному.
Постараюсь – и всё как мне надо пойму.
Я пойму, что мой день был не так уж и плох.
Что для маленькой стаи я маленький бог.

Враньё не враньё, а приятно.

Мне теперь надо просто свернуться в клубок.
Не втыкайте мне спицу в расслабленный бок.
Из клубка полудохлого-полуживого
Даже шарфик не свяжется, честное слово.

Я посплю?
Всех люблю.

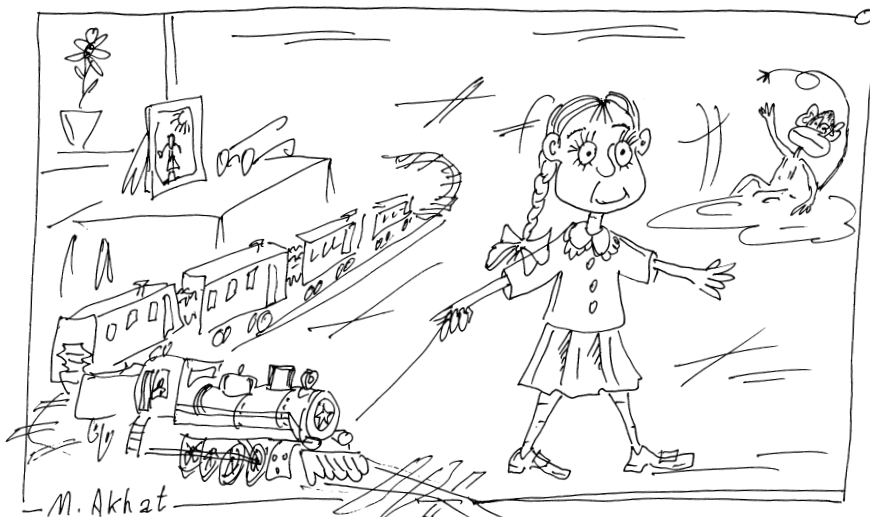
* * *

Серая крошащаяся фотка:
Девочка в морщинистых колготках
Волочёт не глядя за собой
Паровозик с треснувшей трубой.

По ступенькам тащит и по лужам,
Он уже изгажен и контужен,
Дважды вмят в подножие столба
(Оттого и треснула труба).

Из вагонов падают игрушки –
Лысый заяц, две облезлых хрюшки.
Чебурашка рухнул под забор.
Девочка не видит их в упор.

132

Утонула в луже обезьянка.
Но с упорством маленького танка,
Растеряв колёса по пути,
Продолжает девочка идти.

И к каким вратам, какого рая
Девочка так яростно шагает?..
Вот и цель. Сырой панельный дом.
Тётка в кресле. На столе альбом.

Пальцами, разбитыми артрозом,
Тётка гладит фотку с паровозом.
Скоро, скоро девочка дойдёт.
Двадцать лет... ещё двенадцать... Год...

Ближе... Ближе... Ближе... Дошагала!
И альбом захлопнула устало.
Жизнь прекрасна. К чёрту паровоз.
Нет ни слёз, ни повода для слёз.

* * *

Торопится малыш в свой детский сад.
Там утренник, и он ужасно рад.
А школьник мрачно прячет среди книг
Набитый туго двойками дневник.
Зевая, грустно пялится в учебник
Замученный судьбой студент-вечерник.
С газетой спать ложится взрослый дядя,
Ночник включает, на жену не глядя.
...Вот так затеешь со словами шутки,
И незаметно жизнь пройдёт. За сутки.

* * *

Меж летом и зимой
 Вбит журавлиный клин.
 Меж сумкой и сумой
 Всего лишь звук один.

Меж «можно» и «не сметь»
 Ни грани, ни межи.
 Девятой в списке смерть –
 Попробуй, отложи.

Как спички, мыло, соль
 Попробуй отложить –
 На чёрный день, где боль
 Сильней желанья жить.

В предверье перемен
 Пуд соли отложи
 И в чашечках колен
 Пока её держи.

А истончится нить,
 Вся соль твоя – тому,
 Кто смог тебя – любить.
 Любить? Ну да, любить –
 Смешно, не по уму.

Когда чума пришла,
 Для пира режьте лук.
 От стога до стола
 Один короткий звук.

Легко идёшь на слом –
 Тебе везёт опять:
 И соляным столбом
 Здесь не тебе стоять.

Такая арифметика

Она щебечет: «Генюя, Париж,
 Мартини, Паганини, Пазолини»,
 А дома свечи доедает мышь,
 И моль живёт на чистом нафталине.

Лежат пластинки грудю в углу.
 Двенадцать опер. Можно слушать сутки,
 Да только нечем заменить иглу.
 Блошинный рынок? Право, что за шутки...

Дипломов два. Четыре языка.
 Четыре брака (ноль детей в остатке).

Три шляпки. Пончо. Писем два мешка.
Пастели на стене. Стихи в тетрадке.

Давать уроки? Как же, пару раз
Пыталась... Как грубы бывают дети!
Бралась писать в газету на заказ.
Увы. Пещерный уровень в газете.

В библиотеку? Плакать от тоски
Над тем, что повелось читать в народе?
Портреты рисовать? Вязать платки?
Ах, утончённый вкус давно не в моде.

Пока на презентации зовут,
Не нарушая принятых традиций.
Сегодня там фуршет, а завтра тут...
Пусть сухомятка. Ничего, сгодится.

Семидесятые в (рас)цвете

Сапоги-чулки сминают серебристый снег.
Вяло прыгает в авоське серебристый хек.
Серебристый ландыш пахнет сдохшею мечтой.
Каждый серебристый волос в маске золотой.
Хна – секрет простой.

Скользко на Красноармейской, как бы не упасть.
Красный кит трамвайной масти раскрывает пасть.
Лица красные от давки, как родимый флаг.
Пуговица каплей красной брык с пальто – и бряк.
Не поднять никак.

Голубой футляр подъезда. Надпись над трубой.
В голове скисает песня – Шарик голубой.
Сын балдеет под стенанья «Голубых гитар»,
Клянчит джинсы голубые – я, мол, суперстар.
Где их взять? Кошмар.

Стол. Зелёная кастрюлька. Разогретый суп.
Сын совсем ещё зелёный, а как взрослый туп.
Он зелёную тетрадку тянет: помоги.
От тоски зелёной школьной возле глаз круги.
Скучно, хоть беги.

Белый батник, чёрный кокон водолазки – прочь.
Чёрно-белый телевизор навевает ночь.
Белый лоб от чёрных мыслей отряхнуть пора.
Чёрный сон в постели белой снится до утра.
Впрочем, всё мура.

О братьях

У Элизы одиннадцать братьев, и все они белые лебеди,
У Алёнушки братец один, да и тот, к сожаленью, козёл.
Но она в его беканье-меканье, словно в младенческом лепете,
Что-то страшное слышит всё время про воду, ножи и костёр.

И к Элизе приходит она и вздыхает, и ноет, и плачется,
И совет вымогает – мол, ты-то уже сколько братьев спасла!
А Элиза презрительно тянет: «Ну ладно, учись, неудачница.
Ты из свежей крапивы рубаху сплети и надень на козла».

Только жжётся крапива, а братец ужасно чувствительный козлик,
Причинить ему боль у сестры разве может подняться рука?
Знать, остаться козлом суждено, а сестрица состарится возле.
Да какой королевич? Всё глупые сказки. Ищи дурака!

И про них сложат песню: мол, бабушка козлика очень любила,
А она его в лес погулять будет гнать хоть на пару минут.
И, щеку подперев, голосить: «Ох, на что же я жизнь загубила?»
И всплакнёт умиленно, когда наконец его волки сожрут.

Снимет старый платок, и из шёлка сошьёт себе пёстрое платье,
Заведёт двух весёлых гусей и, присев подле них на траву,
Залюбуется ими: «Красавцы! Ну чисто Элизины братья!
Утешенье моё... Напою, накормлю. Заколю к Рождеству».

В этом доме

В этом маленьком пыльном доме
Есть ничейность плохих отелей.
Мышь сварливо шуршит в соломе,
Приготовленной для коктейлей.

На балконе живёт улитка,
Пишет книгу про скорость света.
В мокрой ванне дрожит открытка.
В пёстрой тапке лежит конфета.

Мокнут тряпки, и в этой гряде
Вызревает икринок стая.
Ночью в доме бывают люди,
Не вживаясь в дом, не врастая.

Остаётся монетка, нитка,
Нотка, буковка, запятая.
Да, конфетка. Ну да, открытка.
Мышь весь день ворчит, подметая.